

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КОНЦЕПТА СУДЬБА

Н.Е. Далян,

канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка Армянского государственного
педагогического университета
им. Хачатура Абовяна, Армения

LINGUOCULTURAL PORTRAIT OF THE CONCEPT DESTINY

Dalyan N.E.

Annotation

The article is devoted to the concept Destiny in the Russian language and the stereotypic situations characterizing this concept.

The linguistic analysis of a conceptual element of a concept Destiny in Russian allowing to allocate such nuclear signs as predeterminacy, conditionality, presence of the highest force and uncontrollability by the person is carried out.

Key words:

concepts, language, culture, folk literature, linguistic analysis.

Аннотация

В статье рассматривается концепт Судьба в русской языковой картине мира и стереотипные ситуации характеризующие данный концепт. Проведен лингвистический анализ понятийного элемента концепта Судьба в русском языке, позволяющий выделить такие ядерные признаки, как предопределенность, обусловленность, наличие высшей силы и неконтролируемость человеком.

Ключевые слова:

концепты, язык, культура, фольклор, лингвистический анализ.

Одним из национально специфичных концептов в русской языковой картине мира является концепт *СУДЬБА*, имеющий по сравнению с другими иностранными языками в достаточной степени широкую семантику. Следует отметить, что «концепт судьбы присутствует не только во всех мифологических, религиозных, философских и этических системах. Он составляет ядро национального и индивидуального сознания.

Это понятие принадлежит к числу активно действующих начал жизни, таинственных и неизбежных.

Понятие судьбы представлено в истории культур мифами, персонификациями, притчами и аллегориями, эсхатологическими концепциями, художественными образами, астрологической и иной символикой, профетическими и ритуальными действиями, гаданиями, народными приметами, знаками и знаменами, наконец» [1: 5].

Концепт судьбы во всех лингвокультурах имеет общий смысл: «Человек появляется на свет, а судьба... ему уже назначена. Рождение – ее первое проявление, начало осуществления некоего плана. По модели мира этот план может быть представлен как *рождение – «сама жизнь»* (проживание, в котором предполагается брак и потомство, т.е. закладывается возможность продолжения жизни за

пределами срока, отпущенного данному человеку) – *смерть»* [6:122].

Однако если, в большинстве западноевропейских картин мира данный концепт ассоциируется только с явлениями, которые должны произойти в будущем, но которые изменить будет нельзя, т.е. явлениями, предначертанность которых определена «высшей силой», то в русском языковом сознании концепт *СУДЬБА* складывается из трех его составляющих: 1) судьба как высшая сила над людьми; 2) судьба как данное человеку богом; 3) судьба как богом предназначенное/сужденное. [3:137].

Судьба как высшая сила над людьми – это живое, одухотворенное существо, т.е. она персонифицирована: судьба владеет, управляет и распоряжается человеком. В русской языковой картине мира господство судьбы чаще всего носит агрессивный, разрушительный характер; сила судьбы выступает прежде всего, как насилие; власть судьбы является стихийной, или неразумной. Судьба как олицетворенная высшая сила чаще всего предстает в двух ипостасях: как сила небесная («*связала нас судьба одной веревочкой*», «*судьба меня к нему посылает*», «*тебя сама судьба мне вручила*») и как господин, своевольный и капризный («*быть игрушкой в руках судьбы*», «*бросить (все) на произвол судьбы*», «*смеяться в глаза судьбе*», «*бороться с судьбой*»).

Судьба, данная человеку Богом (или теми, кто обладает властью на земле, – царем, начальством, родителями, т.к., согласно русскому менталитету, «Несть власть не от Бога»), есть неживое существо, т.е. вещь/имущество: *Бог дает судьбу (дарит, наделяет судьбой): «Дай мне, Боже, счастья, не обнеси судьбой».*

Часто синонимом лексемы *судьба* выступает лексема *доля*, которая, согласно «Словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, означает «жребий, участь, судьба, рок»: «Наша доля – Божья воля», «Господня воля – наша доля», «Такова доля, что Божья воля», «Всякую долю Бог посылает» и т.д. [Даль 1903: 591].

Судьбой как имуществом человек может быть наделен, или, напротив, обделен: «*Ой не дал мне бог доли / А ни в поле, ни в доме, / Ни в милом дружочке*». Здесь образ судьбы-доли репрезентируется в трех ипостасях: поле («работа, хлеб, достаток»), дом («семья, родные»), милый дружок («любовь, замужество»). Судьба дается богом, однако, человек может находиться в поиске судьбы как данного Богом, хотя но еще не обретенного/не найденного сокровища.

В русских фольклорных текстах судьба как предназначенное встречается иногда в виде пророчества: например, «*Общую судьбу говорила, пророчество сказывала*» (из духовных стихов). Устойчивая конструкция *не судьба* означает «не суждено, не сбудется»: «*Не судьба крестьянскому сыну калачи есть*».

В русских сказках и былинах можно встретить образ камня на пути человека с текстом-пророчеством: на камне означены три судьбы. И человек может сделать свой выбор; избежать того, что ему предназначено, помогает та же высшая сила, сама судьба, любая попытка изменить судьбу является бесполезной.

Написанное пророчество выступает как открытый текст, явный знак: «*Ехал он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечеру – красна солнышка до заката. И доезжает до росстаней, до трех дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана: «Направо поедешь – себя спасать, коня потерять. Налево поедешь – коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь – женату быть»* («О молодильных яблоках и живой воде») [5:210]

Таким же явным знаком (указанием) проявляет себя судьба под именем звезды: «*Под счастливой*

звездой родился». Образ звезды ассоциируется с образом небесной/высшей силы. В этом плане интересно сравнить данный пример с оборотом в *рубашке родился*.

Судьба является жизненным путем человека, который ему предназначен или который им выбран самостоятельно. Частичная синонимизация двух понятий (судьбы и жизни) отражается в их словопотреблении: *устроить судьбу – устроить жизнь, повернуть судьбу – повернуть жизнь* (слияние образов пути и дороги, судьбы и жизни в один образ), *жаловаться на судьбу – жаловаться на жизнь*

Пересечение понятий *судьба* и *жизнь* обычно фокусируется в будущем, при этом судьба всегда вносит свой смысл предопределенности/заданности. Данный базовый смысл как бы прибавляется при сравнении оборотов типа *узнать свое будущее – узнать свою судьбу, предрекать будущее – предрекать судьбу, предугадывать будущее – предугадывать судьбу* (это не просто будущее, т.е. «то, что произойдет», а «то, что предназначено в будущем», т.е. судьба).

В устойчивых атрибуированных сочетаниях судьба как высшая сила (образ обожествленной стихии или образ самодурного господина) получает такие характеристики, как *всесильная, неумолимая, несправедливая, самовластная, своевольная, своенравная* и т.п. Судьба, как мы видим, в такого рода сочетаниях персонифицируется. Неразумная сила судьбы подчеркнута в характеристике *слепая судьба*. У судьбы как живого существа женский характер: судьба бывает *ветреной, капризной, насмешливой, непостоянной* и т.п. Женский характер судьбы ассоциативно переключается с представлением о разрушающем женском начале, о хаосе, свойственном судьбе как стихийной силе. Судьба-стихия *неразумна, своевольна и неуправляема*; по своей прихоти она может быть *благосклонной, доброй, милосердной* или, напротив, *безжалостной, беспощадной, грозной, жестокой, жестокосердной, злой и несправедливой*. Характер у судьбы может быть *завистливый, черствый, жесткий*; судьба может вести себя *коварно, мстительно* и т.п. Как данная Богом, судьба приносит свои плоды: она может быть *горькой* или *сладкой*, приносить зло (*злая судьба*), вызывать чувство жалости, обиды, страха, тревоги, нести с собой бедствия (*бедственная судьба*), превратности, гибель (*гибельная судьба*) и т.п. Такая судьба не

вызывает чувство зависти (*незавидная судьба*), радости (*безрадостная/безотрадная судьба*) и т.п. Напротив, судьба может *приносить добро, быть легкой, ясной, светлой, красивой*. Аспект судьбы часто характеризуется через количественные, качественные и динамические атрибуты типа *большая, великая, могучая, высокая, яркая* и т.п.

Базовый смысл судьбы уточняется в контексте: атрибутированное сочетание *злая судьба* может относиться к судьбе как к живому существу (характер олицетворенной высшей силы) или к судьбе как неживому, данному / вещи (*беспокойная судьба, трудная судьба, унылая судьба, славная судьба*)

Итак, в русской языковой картине мира феномен судьбы характеризуется следующей стереотипной ситуацией: судьба как власть, с одной стороны, и человек, подчиненный этой власти, с другой. Эта власть (судьба) может быть олицетворена (*высшая стихийная сила*), может быть овеществлена (*данное человеку богом*) и может быть высказана/дана как предназначенное. Данные смыслы особым образом отражены в фольклорных текстах русского языка и во фразеологическом материале – устойчивых сочетаниях с ключевым компонентом *судьба*.

Таким образом, *судьба* в русской языковой картине мира – существо всепроникающее, и щупальцы ее видны повсюду. «Семантическое поле судьбы, – пишет С.Е. Никитина, – почти безгранично и очень

густо засеяно. Пожалуй, не поле, а поля, в разных фольклорных жанрах непохожие друг на друга: в плачах поле судьбы засеяно *горе-кручиной*, и гуляет по нему *скорая смерётушка* во многообразных своих обличьях; в духовных стихах оно усеяно грехами и обильно полито слезами покаяния. Русские фольклорные тексты причудливо соединили в себе языческие представления о доле-участи, прирожденной и не имеющей отношения к справедливости, и христианские идеи Божьего суда, воплощающего высшую правду и высшую справедливость. В разных типах текстов соотношение христианского и дохристианского в концепте судьбы различно, и если в заговорах способ общения с потусторонним миром, могущим изменить человеческую судьбу, отражает, главным образом, дохристианское, мифологическое сознание, определяющее императивно-оптативную модальность текстов, несмотря на их очевидную внешнюю христианизацию, то в духовных стихах многократно подчеркивается, что человеческую жизнь определяет Божья воля, и избавление от несчастной судьбы можно получить только путем покаяния и смиренной молитвы; соответственно слово *судьба* чаще встречается в сочетании *Божья судьба*. Заметим, что в древнерусском языке первым значением слова *судьба* было *суд*, а уж потом оно обозначало ту темную *слепую силу*, которая управляет течением человеческой жизни» [4:130].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. От редактора // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука. 1994. – С. 3 – 4.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб, 1903. – Т. 1. – 877 с.
3. Ковшова М.Л. Концепт судьбы. Фольклор и фразеология // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука. 1994. – С. 137 – 142.
4. Никитина С.Е. Концепт судьбы в русском народном сознании // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука. 1994. – С. 130 – 136.
5. Русский фольклор / Сост. и примеч. В. Аникина. – М.: Худож. Лит.; 1985. – 367 с.
6. Цивьян Т.В. Человек и его судьба – приговор в модели мира // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука. 1994. – С. 122 – 129.